

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

ЗВЕЗДА В ХВОСТЕ ЛЬВА

Роман

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Компьютерный дизайн обложки
Екатерины Фerez

Цитаты Ш. Бодлера «Цветы зла» в переводе Эллиса

Андреева, Наталья Вячеславовна.

А65 Звезда в хвосте Льва / Наталья Андреева. —
Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. —
(Бестселлеры Натальи Андреевой).

ISBN 978-5-17-089635-6

Самый ненасытный порок — это тщеславие.
Сколько его ни корми, оно все равно остается го-
лодным.

Казалось бы, есть все: успех, деньги, слава, лю-
бовь... Иному и одного из этих благ на всю жизнь
хватит, чтобы быть счастливым.

Но только не Андрею Ромашову. Он надеется
стать первой и самой яркой звездой в сердце одной
упрямой и талантливой женщины. Унизить, рас-
топтать, посадить в тюрьму! Только бы она поко-
рилась!

Но женщины не любят предателей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089635-6 © Н. Андреева, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Денебола — третья по яркости звезда в созвездии Льва. Название происходит от арабской фразы, которая переводится как «Хвост льва», а именно таково положение Денеболы в созвездии. В астрологии эта звезда считалась предвестником несчастья и позора.

Часть первая

ЛЕТО

*«Его большие красивые глаза
затуманило облако внезапной грусти...»*

- Андрей!
- А? Что?
- Ты меня совсем не слушаешь!
- Прости, я задумался.

От этой привычки он все никак не мог избавиться. Хотел, но не мог. Думать о себе в третьем лице, словами шаблонных любовных романов. Фразы на ум приходили почему-то самые пошлые и банальные. А еще до тошноты цветистые, можно даже сказать, махрово-цветистые.

«Она смотрела на него, умоляюще и преданно, и прекрасное лицо ее было печально, словно луна, на которую набежала огромная туча...»

— Андрей!!! Что с тобой?!

Виной всему была его фамилия: Ромашов. Когда Лёве исполнилось четырнадцать, мама, преподавательница русского языка и литературы в маленькой сельской школе, сочла, что мальчик уже созрел для того, чтобы это оценить, и подсунула ему повесть Куприна «Поединок».

Фамилия главного героя тоже была Ромашов, поэтому повесть юный однофамилец проглотил за ночь, залпом, не отрываясь. Так же охотно и с интересом Ивановы читают про Ива-

новых, а Васильевы про Васильевых. Если герой хороший, то и собственная самооценка повышается, а если подлец, то книга дрянь.

Герой «Поединка», безусловно, был положительным, хоть и не очень симпатичным, с точки зрения внешности, удачливости и развязки сюжета. Его убили на дуэли, но благородство Ромашова книжного было налицо: он принес себя в жертву любимой женщине. Невольно Лёва Ромашов так же, как и его вымышленный однофамилец, стал думать о себе в третьем лице и постоянно представлял себя со стороны. Пытался понять: а что же думают о нем *другие*?

Именно поэтому Лева очень легко поступил в театральное училище. Ведь его самого, Лёвы Ромашова, по сути, и не было. Он весь был — мнение о нем других людей, которых он мысленно пытался сыграть. Сыграть их чувства к нему, их мысли о нем, их поступки по отношению к нему, если эти отношения будут продолжаться и дальше.

Он давно уже вырос, и теперь приближался к тому, что еще называют кризисом среднего возраста, стал самостоятельным и независимым, а потом богатым и знаменитым, его судьба ничем не напоминала печальную судьбу героя «Поединка». Да и не могла быть на нее похожа: красавчик Лёва Ромашов пользовался неизменным успехом у девочек, так же как потом он сделался идолом бесчисленных поклонниц. Но привычка думать о себе в третьем лице все равно осталась, и избавиться от нее Ромашов не мог.

Сказать лежащей рядом женщине, о чем он думает? Чтобы та подняла его на смех? Господи, какой Куприн! Какая к черту классика! Ей двадцать лет! В ушах у нее постоянно торчат наушники, а мозги заменяет айфон! Где есть ответ

на любой вопрос, начиная от «где купить самые тонкие прокладки» до «в чем смысл жизни». Вряд ли Настя даже вспомнит, кто такой Евгений Онегин. А Куприна в школьной программе вообще нет. Кстати, зря.

Ромашов покосился на Настю. Хотя, нет. Про Онегина должна знать. Она ведь актриса. Классика обязательна в репертуаре любого театра.

Актриса! Он чуть не расхохотался. Для того чтобы сниматься в сериальном «мысле», меньше всего нужны актерские способности. Ведь это давно уже не кино, а прокладка для бесконечной рекламы. Поэтому молоденькой актрисе нужен не талант, а имя. И не славное имя, а скандальное. Для этого надо кого-нибудь избить, напиться и устроить дебош в самолете, расколотить витрину в баре и увести из семьи олигарха. В крайнем случае, распространять о себе небывалые, чем нелепее, тем лучше.

Настя прекрасно все это понимала. Потому и начала с реалити-шоу, где с остервенением раздавала пощечины своим соперницам и закатывала истерики любовникам, а когда ее все-таки выгнали, «отобралась» на крохотную роль в мелодраматический сериал и стала искать, с кем бы ей переспать, чтобы об этом заговорили все?

Они познакомились на съемках. Его уломали на главную роль (опять мелодрама!), Настя же оказалась статисткой. Ее постоянно затирали более звездные актрисы, которые смотрели на провинциалку свысока и требовали себе отдельную гримерную. Но сама Настя считала, что это лишь первый маленький шаг к большой актерской карьере. Ромашов подозревал, что предприимчивая Настя, девушка без комплексов, получила доступ к телу продюсера, потому

что главный актер в сериале в свою очередь получил от того совет. Ради пиара надо закрутить роман с одной из актрис. А о чем еще писать журналистам? Скоро сериал выходит на телеэкран, рекламный бюджет составлен и утвержден, осталось подбросить скандальный сюжет.

— Андрюха, ты ведь не женат...

— Это есть в моем контракте. Кому я нужен женатый? — усмехнулся он.

— Правильно! Тебя надо раскручивать только через постель!

— Хочешь сказать, что я больше ни на что не гожусь?

— Давай смотреть правде в глаза: актер ты хреновый. Зато мужик классный. Ты на этом и вылез. Я уж не буду тебе напоминать, как и кто тебя сделал...

— Хорошо, — устало сказал он. — У меня есть выбор, или ты все уже решил?

Продюсер замялся:

— Есть одна перспективная девочка. Она играет третью по списку подругу главной героини. Роль маленькая, но зато девочка — класс! Настоящая секс-бомба! Я хочу ее раскрутить.

— Как ее зовут?

— Стейси Стюарт.

— Как-как?!

— Вообще-то она Настя Васильева. Но Васильевых, сам знаешь, пруд пруди. И Настя... Как-то все банально.

— Понятно, — кивнул он. — Кто это родил? Ты или она?

— Вообще-то она.

— Фамилия королевская. Да и имя... А не перебор?

— Тебе что, жалко? Ну, хочется девочке побыть Принцессой Стейси. Копнуть поглуб-

же, так у нас в знаменитостях одни Попкины и Тапкины. Тебе хорошо. Ты хоть Ромашов. И даже Лев. Кстати, а почему ты сейчас Андрей?

В самом деле, почему?..

«Прекрасная незнакомка смотрела на него с неподдельным интересом»

— Значит, вы пришли на кастинг?

— Да, меня вызывали...

Она скользнула по нему безразличным взглядом и уставилась в окно. В коридоре, где они стояли, было холодно, здесь, в офисе кинокомпании «Денебола» курили так много, что форточка постоянно была распахнута. Стена, к которой Ромашов прислонился, потому что ноги его не держали, оказалась ледяной. Невольно дрожь передалась коленям, потом мелко-мелко задрожали икры ног. Желудок провалился куда-то в пах, и там невыносимо зануло. Захотелось в туалет.

Ромашов стоял, ни жив, ни мертв. Ему сказали, что в кинокомпании «Денебола» все решает главный редактор, она же любовница генерального продюсера.

— Понравишься ей — получишь роль. Не понравится — можешь ставить крест на своей актерской карьере.

— Да почему?

— Рару знают все. У нее муж журналист. А любовник генеральный продюсер. Не считая еще десятка влиятельных мужиков, с которыми она переспала, или еще спит от случая к случаю.

— Ради карьеры, что ли?

— Нет, исключительно ради удовольствия. Карьера — это лишь побочный эффект ее любвеобильности. У тебя все шансы, Ромашов. Похоже, ты в ее вкусе. Дерзай!

«Зато она не в моем», — в отчаяние думал он, глядя на стоящую перед ним женщину. Он в толк не мог взять, как ей это удается? Остаться фавориткой генерального, когда в этом офисе концентрация красивых женщин на один квадратный метр площади просто немыслимая! Да уже на подходе становится не по себе. Вокруг одни красавицы! Умопомрачительные ноги, налитые груди размера не меньше третьего, шикарные гривы, белокурые или рыжие. Встречаются, конечно, и обжигающе-яркие брюнетки, даже азиатки с фарфоровыми кукольными личиками. Да выбирай любую! Время такое, что понятие «мораль» давно уже отнесено к атавизмам. Здесь, в офисе солидной кинокомпании оно так же нужно человеку, как хвост или аппендикс. Срочно удалить! Ради карьеры дозволено все! Денег и славы любой ценой!

А генеральный продюсер спит с этой... Даже и не знаешь, как ее назвать? Некрасивая? Невзрачная? Не-пойми-какая в общем. Маленького роста, грудь еле намечается, лицо блеклое, почти без бровей, черты очень мелкие, такое ощущение, что художник работал в четверть силы, едва притрагиваясь к листу карандашом. Какие-то линии вообще остались незавершенными. Это даже не картина, это эскиз. Четверть женщины, не больше. Ростом Рара была ему по плечо, поэтому Ромашов именно так и подумал.

И вдруг она улыбнулась. Его обдало жаром. Такой улыбки он еще не видел никогда. Нахальная? Нет. Вызывающая? Ничуть. Обещающая? Возможно, но тоже нет. Пленяющая и обеща-

ющая одновременно. А еще виноватая. Улыбка победительницы и вместе с тем побежденной. Впечатление было такое, словно бы Рара мысленно взяла веревку, сделала из нее лассо и накинула ему на шею. Осталось только затянуть петлю и повести добычу за собой. На закляние. Он понял, что пойдет.

— Как вы говорите, вас зовут?

— Лев Ромашов.

— Как-как?

— Лев...

— Я поняла. Это плохо, — она слегка нахмурилась. На лбу образовалась горизонтальная складка. Он вдруг понял, что Раре за тридцать, а вовсе не двадцать пять, как он подумал, когда ее увидел. — Вы слышите? Лев... пауза... Ромашов. Словно обрыв. Между «В» и «Р» много пустого места. Так не должно быть. Имя должно произноситься легко, без пауз, тогда оно запоминается. Речь — это музыка. Вам, часом, не медведь на ухо наступил?

— Я окончил музыкальную школу по классу фортепиано.

— Ах, я не о том! Есть музыкальный слух, а есть литературный. Фраза должна звучать, как мелодия. Тогда люди ее повторяют раз за разом. Если мелодия удачная, красивая и приятная на слух, то она привязывается, и постоянно всплывает в памяти. Ваше имя люди с досадой забудут. Это как фальшивый аккорд... Или нет. Слишком мало нот. Лев — Ро-ма-шов. Если вы учились в музыкальной школе, вы меня поймете. Есть такой интервал: терция. — Он кивнул. — Есть кварта. Очень чисто звучит, как и само слово: кварта. Вслушайтесь... — она взяла его за руку. — Слышите ведь? — он кивнул. — А ваше имя напоминает мне музыкальный ин-

тервал, который называется секунда. Звучит он ужасно. Хотя, фамилия хорошая. Литературная. — Рара отпустила его руку. Он почувствовал, что падает с обрыва в глубокий, заросший крапивой овраг, откуда ему уже не выбраться никогда, и отчаянно спросил:

— Вы читали Куприна?

— Разумеется, молодой человек. Я ведь редактор. А мой муж журналист. Если мы и говорим часами о чем-нибудь, то это литература.

— Поэтому вы — Рара? Кстати, как это переводится на русский язык с вашего литературного?

Она впервые посмотрела на него с интересом:

— А вы милый. Да, вы правы. Я Раиса Райская. Райская, само собой, журналистский псевдоним. Настоящую фамилию называть не буду, она не слишком благозвучная. Скажу только, что я Раиса Гавриловна, — она тихонько рассмеялась. — С моим абсолютным литературным слухом это досадно. Мой муж Раевич, так что я могла бы стать Рарой вполне официально, если бы сначала вышла замуж, а потом стала делать карьеру. Но получилось наоборот, поэтому мы сочли, что я останусь Райской, а он Раевичем.

— У нас много общего. Любовницу Ромашова из повести Куприна тоже звали Раисой, — намекнул он.

— Надеюсь, я ничем не похожа на эту вульгарную безграмотную женщину? Держу пари, вы никогда не думали о псевдониме, потому что до сих пор были Лёвой. Лёва Ромашов звучит неплохо, но вы ведь собираетесь стать большим актером? — насмешливо спросила она. Цвет ее глаз неуловимо изменился, теперь он удивился

их блеску и яркости. — Поэтому вам нужно настоящее мужское имя.

— И что вы предлагаете?

— Фамилию оставьте, а имя поменяйте.

— На что?

— Ну, я не знаю. Алексей или Андрей... — она на секунду задумалась. — Хотя, Андрей будет лучше. Вам необходимо второе «Р». А то какой-то вы мягкий, — она протянула руку и потрогала его за плечо. — Ну, я же говорила! Лёва Ромашов! Извините, мне надо бежать, у меня много дел.

— Мы еще увидимся? — с отчаянием спросил он.

— Не знаю...

— Пожалуйста, Рара! — попытался он ее обаять.

— Хорошо, — сказала она уже на бегу, — я посмотрю пробы...

Так он стал Андреем.

«Уголовная ответственность за невинное причинение вреда не допускается...»

— Аркадий!

— А? Что?

— Аркаша, что с тобой? Я не могу до тебя докричаться! О чем ты думаешь?

Он все никак не мог избавиться от этой привычки: оценивать любые неурядицы в своей жизни, даже досадные бытовые мелочи с точки зрения Уголовного кодекса. Похоже, в юности перезубрил.

Вот и сейчас, глядя на испорченную женой рубашку, он подумал: уголовная ответственность за невинное причинение вреда не до-

